

УДК 94(410) + 341.218 + 316.3

Н. В. Бородавкина**ВОСПРИЯТИЕ ЛИЧНОСТИ В ВИКТОРИАНСКУЮ ЭПОХУ:
У. ГЛАДСТОН О СВОИХ СОВРЕМЕННОКАХ**

Рассматриваются некоторые аспекты восприятия личности в викторианской Англии. Человеческая личность представляла собой один из важнейших ценностных ориентиров викторианского общества. Статья основана на двух биографических очерках, написанных У. Гладстоном, выдающимся политическим деятелем XIX в., четырежды занимавшим пост премьер-министра Великобритании. Основное внимание уделяется деятельности Гладстона как публициста и критика. Автор анализирует его цели, мотивы, стиль написания и выводы. Характеристика Гладстоном своих современников дает представление об основных ценностях Викторианской эпохи, о духе времени. Интерес к человеческой личности, вера в человеческие способности, стремление к самореализации и постоянному интеллектуальному росту были присущи как самому Гладстону, так и его современникам.

К л ю ч е в ы е с л о в а: социальная история Англии, Викторианская эпоха, человеческая личность, У. Гладстон, принц-консорт Альберт, Т. Б. Маколей, историческая мысль.

Для каждой эпохи характерны свои нормы и идеалы, своя система нравственных ценностей и ориентиров, в соответствии с которыми устанавливаются определенные модели поведения. Каждый человек является в определенной мере представителем своего времени, влияния которого он не может избежать, и в различной степени отражает и воплощает в себе систему общепринятых норм и ценностей своего времени. Викторианская эпоха, охватывающая более полувека английской истории, была несомненно временем торжествующего индивидуализма. Поэтому интересно попытаться взглянуть на эпоху и ее представителей глазами современника, воспитанного в то же время и в той же культурной среде.

Выдающимся и одновременно типичным представителем Викторианской эпохи можно считать одного из ведущих государственных деятелей Великобритании XIX в. У. Э. Гладстона (1809 — 1898), четырежды занимавшего пост премьер-министра, которого можно назвать образцовым викторианцем, воплотившим в себе идейно-политические, социальные и нравственные черты британской историко-культурной традиции своего времени.

Гладстон родился в семье богатого ливерпульского купца. Образование получил в самых престижных и самых консервативных по духу учебных заведениях — Итоне и Оксфорде. Политическая биография его была весьма насыщенной. С начала 1830-х гг. он начал карьеру парламентария, с конца 60-х до начала 90-х гг. четырежды был премьер-министром, и каждое его пребывание «во власти» было связано со знаковыми событиями британской внутренней и внешней политики. В 1893 г. он ушел в отставку и удалился в свое имение, где после продолжительной болезни скончался 19 мая 1898 г.

Политическая деятельность играла определяющую роль в жизни Гладстона, но, кроме политики, у него был весьма широкий круг интересов; не менее важной представляется его деятельность как ученого, теолога и публициста. Характерно, что многие современники, не поддерживавшие его политические взгляды, уважали его как человека и ценили его как автора работ на самые разные темы.

Со школьных дней в Итоне Гладстон испытывал сильную потребность самовыражения, публичной презентации своих взглядов. Политические статьи он начал публиковать с тех пор, как был впервые избран в парламент от Ньюарка. Такого рода политическая публицистика служила проявлением профессиональной пригодности. Политик должен был озвучить, обнародовать свою позицию. Кроме политических статей и речей, Гладстон написал большое количество работ по самым разнообразным вопросам. Они касались теологии, философии, истории, современного искусства и литературы. В 1879 г. вышел сборник его статей разных лет, в предисловии к которому сам Гладстон отметил, что «очерки дискуссионного характера, касающиеся политики или религии, а также очерки, касающиеся античной истории, не вошли в этот сборник» [Gladstone, I, IV]. Несмотря на эти тематические ограничения, объем издания составил семь томов. Тематика статей дает представление о том, насколько разноплановыми были вопросы, волновавшие Гладстона. Среди них значительное место составляют очерки биографического характера. Любопытно просто перечислить имена и род деятельности тех, о ком писал Гладстон. Среди них такие разноплановые личности, как государственный деятель и историк Т. Б. Маколей, поэт Теннисон, либеральный пресвитерианский священник шотландской церкви Норман Маклеод, итальянский поэт и мыслитель Джакомо Леопарди и др.

Особое внимание Гладстон уделил *принцу-консорту Альберту*, и это не случайно. Принц Альберт Саксен-Кобургский, супруг королевы Виктории, оказал серьезное влияние на политическую жизнь Великобритании своего времени. Первоначально его общественное, равно как и семейное положение, представлялось ему затруднительным. В мае 1840 г. он писал принцу Ловенштейну: «Я очень счастлив и доволен своей семейной жизнью; но сложность моего положения заключается в том, что я всего лишь муж, а не хозяин в доме» [цит. по: Martin, I, 71].

Со временем ситуация изменилась, принц нашел свое место, став, в сущности, личным секретарем королевы и ее главным советником. Будучи прекрасно образованным человеком, имея широкий кругозор и разнообразные интересы, он обладал большим усердием и работоспособностью, готовил массу документов и официальных писем для Виктории, часто выступал с собственными предложениями по вопросам внутренней и внешней политики, вел обширную переписку. При этом принц прекрасно сознавал особенность своего положения. В письме герцогу Веллингтону он писал, что положение супруга женщины-монарха диктует ему ряд требований. Он полагал, что должен «полностью растворить свою собственную личность в личности своей жены», не стремиться к власти, избегать всего показного, не брать на себя личной ответственности

перед обществом, определять свою позицию всецело как часть позиции королевы, восполнять то из королевских обязанностей, что она, будучи женщиной, не может осуществлять, постоянно с беспокойством следить за каждой частью общественных дел, чтобы суметь дать совет и помочь ей в любой момент в любом из разнообразных и сложных вопросов, политических, социальных, или личных, предложенных на ее рассмотрение», и в то же время предоставлять в ее распоряжение все свое время и силы «как настоящий глава ее семьи... управляющий ее личными делами, исключительный советник в вопросах политики и всего лишь помощник в общении с членами правительства, ее личный секретарь и неизменный министр» [Martin, I, 74].

Следуя его примеру, королева Виктория стала внимательнее относиться к политическим делам и проявлять почти такое же усердие в работе, как и ее муж. Виктория высоко оценивала роль Альберта и в своей жизни, и в судьбе Великобритании. В 1858 г. она писала своей старшей дочери Виктории: «Я благословляю тот день, который соединил меня с твоим обожаемым и прекрасным отцом. Он осчастливил не только меня, но принес счастье и благословение всей стране» [цит. по: Остапенко, 303].

Между тем нужно отметить, что принц Альберт был незаслуженно непопулярен в то время в Великобритании, общественность относилась к нему чуть ли не как к «недружественному иностранцу», а вмешательство принца в политические вопросы вызывало недовольство британской элиты. Королева глубоко переживала нападки на принца в прессе, в январе 1854 г. она писала лорду Абердину: «Критиковать принца, который является единым целым с самой королевой, значит критиковать королевскую власть» [цит. по: Martin, II, 541]. Как раз в это время Гладстон написал анонимную статью в «Морнинг хроникл», защищая принца Альберта от клеветнической кампании. И, вероятно, это было не просто отражение его собственных политических убеждений, но и личная симпатия к принцу Альберту.

После смерти Альберта Гладстон в апреле 1862 г. в Манчестере произнес речь в память о нем: «День, когда было объявлено по всей стране о смерти принца-консорта, был днем всеобщего уныния. Безупречность его жизни, прямота его характера, его разнообразные таланты и достоинства и активное участие в государственных делах... постепенно завоевали ему глубокое уважение британского народа. Но глубина этого сочувствия и скорби, которая сопровождала трагедию, была, возможно, данью скорби королевы даже в большей степени, чем выдающимся заслугам ее мужа» [Gladstone, I, 23]. Вряд ли можно сомневаться в искренности Гладстона, ведь он ценил расположение и поддержку принца-консорта, преждевременная смерть которого стала для него серьезным ударом. Королева поблагодарила Гладстона в письме за эту речь, и некоторое время она придерживалась такого же высокого мнения о Гладстоне, как и ее супруг, но впоследствии из-за непонимания их отношения постепенно перешли к открытому недоверию и неприязни.

Конечно, интерес Гладстона к личности принца-консорта не случаен и вызван не только его деятельностью как политика. Дело в том, что основную часть британской элиты не интересовали ни строгая мораль королевской семьи,

ни разносторонние интересы Альберта, который был прекрасно образованным, увлекался чтением, естествознанием, музыкой, изобразительным искусством. Он был инициатором и одним из организаторов Всемирной выставки в Лондоне 1851 г. Но эти характерные черты были немаловажным фактором: потребность в постоянном духовном росте и расширении кругозора, творческое начало привлекали внимание Гладстона к личности принца-консорта.

Гладстон сразу оговаривается, что не намерен описывать жизнь, подробности которой и так хорошо известны, а будет тщательно отбирать лишь ключевые моменты. Гладстона интересует прежде всего человеческая личность: «изучение и анализ ч е л о в е к а» остается, по его мнению, одним из самых важных уроков для любого, кто изучает человеческую природу [Gladstone, I, 27].

Положение Альберта осложнялось его иностранным происхождением. Британская аристократия настороженно встретила его появление в стране, а его иностранное происхождение ему так и не простили. Но это не является недостатком в глазах Гладстона, он открыто пишет о принце: «Немец по происхождению, он всегда сохранял отпечаток Германии; ни один искренний человек не может полностью утратить отпечаток своей собственной страны» [Ibid, 49].

Гладстон добавляет, что этот человек, который умер достаточно рано, в возрасте сорока двух лет, хотя и никогда не занимал английский престол, но «сделал больше, чем кто-либо из наших монархов, за исключением очень и очень немногих, чтобы усилить его блеск и укрепить его основы» [Ibid, 95—96].

Его восхищает работоспособность и самоотдача принца. «Когда объекты его внимания собраны вместе, они образуют единое целое, столь обширное по величине, что разум поражен и почти потрясен расточительной тратой умственных способностей, которой, должно быть, они потребовали», — отмечает Гладстон [Ibid, 47]. И в этом проявляется собственная индивидуальность автора, отличавшегося не меньшей работоспособностью, сфера интересов которого была не менее обширной.

Одобрение в глазах Гладстона заслуживает и стремление принца-консорта к самосовершенствованию. Будучи личностью творческой, Гладстон высоко ценил это качество в других. Но далее он пишет, что с сожалением смотрит на эту трату жизненных сил, что, возможно, открыло дорогу болезни и привело к преждевременной смерти принца-консорта. Как и его поступки, лучшим памятником принцу Гладстон считает его речи, в которых отразились такие выдающиеся способности, как «лаконичность высказывания, сконцентрированное внимание и полнота мысли» [Ibid, 50].

Гладстона всегда особо волновал нравственный аспект. Уже в начале своей работы, отмечая выдающиеся способности принца-консорта, он пишет, что тот «оставил для всех людей, всех классов весьма полезный урок, который можно изучить из описания его жизни и личности... и будет, я полагаю, сложно найти где-либо образец жизни более организованной, более основательно и тщательно упорядоченной» [Ibid, 5].

Как истинный викторианец Гладстон не может обойти стороной вопрос семьи и брака. Он оговаривается, что нельзя рассматривать жизнь принца отдельно от жизни королевы, так как они словно две стороны одной медали.

«Дворцы Англии стали храмами семейного счастья, и двор продемонстрировал нации и обществу пример личностного поведения» [Gladstone, I, 32]. По мнению Гладстона, оценить характер взаимоотношений между принцем и королевой можно, только поняв, что «он был с ней поистине единой личностью» [Ibid., 37].

Безусловно, Гладстона не могла не волновать позиция принца по отношению к религии. И он сразу заявляет, что принц «был человеком религиозным. Во времена своей юности... он заявил с энергией о своем решительном выборе христианского вероисповедания» [Ibid., 52]. По его мнению, принц не относился к категории людей по натуре своей религиозных, но скептиков с позиции разума, и «его религия имела прочную основу... в его разуме не меньше, чем в его сердце» [Ibid., 59]. И в заключение Гладстон опять повторяет, что «каждый человек, и более всего каждый христианин», может вынести важный для себя урок [см.: Ibid., 96].

Несколько иначе подошел Гладстон к созданию словесного портрета другого известного своего современника — британского политика и писателя Т. Б. Маколея. Впервые интересы Гладстона и Маколея пересеклись после того, как Гладстон опубликовал в июле 1838 г. свою первую брошюру «Государство в его отношении к церкви», которая подверглась критике со стороны Маколея, уже бывшего к тому времени известным политиком, популярным историком и авторитетным публицистом. В возрасте всего двадцати пяти лет он завоевал интерес читателей «Эдинбургского ревью» благодаря своему эссе о Мильтоне, и по мере появления новых, не менее блестящих статей его слава только росла. Политик, историк и публицист, он был предметом гордости Кембриджа, как Гладстон впоследствии стал предметом гордости Оксфорда.

В одном из выпусков «Эдинбургского ревью» Маколей беспощадно раскритиковал первую брошюру Гладстона, но при этом он отдал дань оригинальности мыслей автора. Статья начинается и заканчивается любезными и, несомненно, искренними комплиментами: «М-р Гладстон кажется нам, во многих отношениях, чрезвычайно способным к философскому исследованию. Ум его способен много обнять; в авторе нет недостатка в диалектическом искусстве. Но автор не дает уму своему надлежащей свободы... Его риторика, хотя часто хороша в своем роде, затемняет и запутывает логику, которую она должна бы освещать. Половина его проницательности и прилежания, при бесплодном воображении и скудном запасе слов, избавила бы его почти от всех ошибок» [Маколей, 239], а фраза Маколея о «восходящей надежде суровых и непреклонных тори» цитировалась весьма часто и преследовала Гладстона всю оставшуюся жизнь. В заключение Маколей отмечает, что хотя он не согласен с Гладстоном, но уважает его талант и честность и надеется, что «он не дозволит политическим занятиям до того поглотить его время, чтоб не оставить ему ни малейшего досуга для литературы и философии» [Там же, 302].

Когда очерк Маколея появился, Гладстон, как это было ему свойственно, написал ему и поблагодарил за «откровенность и прямоту» его статьи [Gladstone, VII, 106] и получил вежливый и добродушный ответ. По свидетельству

племянника Маколея Дж. Тревельяна, который написал его биографию, это письмо Гладстона Маколей, несмотря на свою привычку уничтожать письма своих корреспондентов, сохранил [Trevelyan, 53].

На тот момент Гладстон и Маколей принадлежали к разным партийным группировкам. Виг Маколей был готов выступить с критикой теорий молодого тори, менее опытного в публицистической сфере, чем он сам. Это не мешало ему оценить приятность личного общения с политическим противником. Находясь в Италии, в феврале 1839 г. Маколей писал Нэйпиру: «Мне очень нравится Италия, гораздо больше, чем я ожидал. Кстати, я встретил Гладстона в Риме. Мы беседовали и гуляли вместе в соборе Св. Петра. Он умный и к тому же дружелюбный человек» [цит. по: Ibid., 50].

Относительно немногие прочли и оценили книгу Гладстона, но очерк Маколея запомнился многим читателям как талантливо написанный, очень остроумный и весьма типичный для автора. Спустя время, в 1868 г. Гладстон и сам признавал, что интерес к его книге довольно скоро прошел, и ее помнили на протяжении почти тридцати лет во многом благодаря блестящей, хотя, по его мнению, и не совсем точной и справедливой характеристике Маколея [Gladstone, VII, 104].

Во время сессии 1840 г., когда шли дебаты по вопросу Англо-китайской войны, Гладстон и Маколей выступили друг против друга уже в политической сфере. Но существующие разногласия не помешали Гладстону дать высокую оценку выдающимся способностям этого человека. В июле 1876 г. в «Квотерли ревью» вышла его статья, посвященная Маколею.

Гладстон сразу оговаривается, что цель его работы состоит не просто в перечислении достоинств или определенных черт характера — как просто документальное свидетельство о человеке, его интересует в первую очередь человеческая личность. «Таким же образом, — пишет он, — что мы желаем видеть в биографии и что, несмотря на этимологию названия, мы встречаем очень редко, это жизнь. Самая лучшая интерпретация является неудачей, если это только интерпретация...» [Gladstone, II, 265].

В своем эссе Гладстон стремится воплотить именно эти черты. Он не просто интерпретирует определенные события в жизни Маколея, он пытается заглянуть гораздо глубже, раскрыть его неординарную личность. Поэтому, хотя Маколей и был прекрасно известен всем как эссеист, оратор, историк, поэт, за всем этим Гладстон видит нечто «более ценное и достойное», а именно «выдающуюся и замечательную человеческую личность» [Ibid., 266].

Характеристика, данная Гладстоном личности Маколея, способствует пониманию характера и самого автора очерка, достаточно посмотреть, что одобряет в своем герое автор. Так, Гладстон не любил демонстрации богатства или роскоши и поэтому весьма одобрительно отмечал подобную черту в своем герое. «Его умеренность в роскоши и развлечениях — наиболее значительна и похвальна», — писал он [Ibid., 274].

Одним из наиболее сильных увлечений в жизни Гладстона была литература: он всегда садился за книгу, когда у него находилась свободная минута, поэтому он с уважением отмечает, что любовь Маколея «к книгам была очень

сильной и необычайно развитой» [Gladstone, II, 274]. Конечно, Гладстон, со времени своего пребывания школе отличавшийся усердием и трудолюбием, не мог не оценить подобного качества: «Трудолюбие Маколея как автора требует нашей признательности. Очень приятно обнаружить, что самый преуспевающий прозаик нашего времени был также весьма усердным» [Ibid., 275].

Гладстон не мог обойти стороной также вопрос об отношении Маколея к религии и богословию. Вслед за Тревелияном, Гладстон признает обыкновенную сдержанность Маколея в делах веры, но он все же не может не отметить, что, рассматривая достоинства и жизненные принципы Маколея в вопросах гражданских, социальных, он нигде не находит отрицания тех великих принципов веры, «которые устанавливают глубоко личную связь между человеческой душой и ее Создателем...» [Ibid., 284].

Но с утверждением Тревелияна, что Маколей обладал несомненной и сильной любовью к теологии, Гладстон не соглашается. «Он обладал сильной и продолжительной склонностью к размышлениям и дискуссии на религиозные темы и был весьма широко начитан в области церковной истории», — пишет Тревелиян [Trevelyan, 462]. Но Гладстон, анализируя взгляды Маколея, приходит к следующему выводу: «что касается богословия, то опубликованные 10 томов его работ никак не подтверждают мнение м-ра Тревелияна» [Gladstone, II, 285].

Гладстон более всего отмечает в Маколее подлинную и сильную индивидуальность. Он прожил необычайно насыщенную жизнь. Гладстон отмечает его ранний успех и называет его «баловнем судьбы», так как ему удавалось все, за что он брался. И особо подчеркивается его незаурядность — первое, что поражало в нем стороннего наблюдателя. «До известной степени, бесспорно, такие способности, как его превосходная память, редкая сила изображения, владение языком, заметно выделяли его из остальных», — отмечает Гладстон [Ibid., 271].

Нужно отметить, что каждый очерк Гладстона представляет собой небольшое историческое исследование. Каждый, о ком он писал, представлен на фоне исторической эпохи как человек, принадлежащий своему времени, личность, так или иначе отражающая характерные черты эпохи. Гладстон всегда четко формулирует цель и проблему своего очерка, объясняет мотивы, побудившие его обратиться к рассмотрению данной исторической личности, хотя выводы его часто не лишены морализаторства.

Что касается стиля написания его работ, то нужно отметить, что он довольно своеобразен и несколько запутан. Мастер политической риторики, в эссе он часто использует отвлеченные, абстрактные сравнения, которые зачастую придают неопределенность и некую двусмысленность его выражениям. И здесь нельзя не согласиться с Маколеем, утверждавшим, что Гладстон обладал опасным для мыслителя талантом — «громадным запасом особого рода слов, глубокомысленных и возвышенных, но неясных по значению» [цит. по: Каменский, 224].

Гладстона прежде всего интересовал человек, он много внимания уделял личным качествам тех людей, о которых писал, часто обращался непосредственно к анализу личности. Кроме того, в каждом из очерков Гладстона ярко проявляется и его собственная личность. Его работы отличаются не только

знанием тех вопросов, которые он затрагивает, и умением интерпретировать события, касающиеся жизни и творчества тех, о ком он писал, он не довольствуется тем, что лежит на поверхности, его интересует внутренняя индивидуальность человека: чувства, переживания, противоречия, мысли, стремление разобраться в себе. И, что более важно, анализ личности для него интересен не только сам по себе, но и в том плане, какой нравственный урок можно вынести из знакомства с данным примером. Если обратить внимание, какие аспекты его волнуют больше всего при анализе жизни и деятельности его героев, то перед нами возникает джентльмен-викторианец, придающий особое значение вопросам морали, религии, семейным ценностям. В его очерках всегда присутствует нравственно-этический аспект, он оценивает своих героев и их поведение с точки зрения морали своего времени, которая представляется ему вневременной, вечной.

Кроме того, его восприятие современников дает нам представление и о самой эпохе, и о представлении человека о себе, своем месте в мире. Оптимизм, прогресс, вера в человеческие способности, стремление к интеллектуальному росту были свойственны викторианцам, важна была самореализация личности, попытка утвердить свое «я», выделиться из толпы, потребность в постоянном внутреннем росте. Все эти черты были присущи как самому Гладстону, так и его современникам.

Каменский А. Гладстон. Его жизнь и политическая деятельность // Конт. Маколей. Гладстон. Бокль. Лессепс : биограф. повествования / сост., общ. ред. Н. Ф. Болдырева. Челябинск, 1999.

Маколей Т. Б. Полное собрание сочинений. Т. 3 : Критические и исторические опыты. СПб., 1862.

Остапенко Г. С. Королева Виктория: личность и характер правления // Россия и Британия. Вып. 3 : В мире английской истории. М., 2002.

Gladstone W. E. Gleanings of the Past Years, 1843–1878. Vol. 1–7. L., 1879.

Martin Th. The Life of His Royal Highness the Prince Consort. Vol. 1–2. L., 1880.

Trevelyan G. O. The Life and Letters of Lord Macaulay. Vol. 2. L., 1876.

Статья поступила в редакцию 02.11.2009 г.